
КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ В ПОЭЗИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

Л.Л. Авдейчик

Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, Республика Беларусь, 220004

В статье рассматривается специфика поэтической реализации одного из главных концептов творчества В. Соловьева — Всеединства, проявленного на уровне культурного синтеза двух антагонистических систем — языческой (греко-римской) мифологии и христианского вероучения. На примере анализа стихотворений, в которых использованы образы Прометея, Пигмалиона и Галатеи, Персея и Андромеды, Орфея и Эвридики, Адониса, Афродиты, показано, как известные античные сюжеты в поэзии Соловьева переосмысливаются, символизируются и христианизируются.

Ключевые слова: культурный синтез, поэтический символ, софиология, античная мифология, христианское вероучение.

Поэзия Владимира Соловьева стала важным способом донесения его мировоззренческих установок, представлений и идеалов до читателя. Один из главных концептов творчества поэта-философа — идея культурного синтеза — реализуется в примирении антагонистических систем языческой (античной) мифологии и христианского вероучения. Оценивая картины мира Востока и Запада с позиции философии Всеединства, Соловьев не ищет и не усугубляет существующие между ними расхождения, напротив, он делает упор на их эзотерической близости. Это глубинное родство различных систем поэт прозревает не во внешних деталях, а в тайных скрытых механизмах, заложенных в основу разных сторон бытия.

Интерес Соловьева к культурному наследию античности проявился как в философском, так и в поэтическом его творчестве. В цикле лекций под общим названием «Чтения о Богочеловечестве» (1876—1881) философ довольно четко определил важную метаисторическую роль греко-римской цивилизации в мировом процессе развития. Соловьев отмечал, что именно грекам удалось освободиться от «материального содержания жизни» новым путем: не через отречение от существования и аскезу, как на Востоке, а через свободное созерцание, объективизм и умозрительный идеализм. «В греко-римском мире человеческая душа остается свободной уже не только от внешних космических сил, но и от самой себя... Теперь она воспринимает действие Божественного Логоса, но уже не как внешнюю космическую или демиургическую силу, а как силу чисто идеальную, внутреннюю; здесь душа человеческая стремится найти свое истинное содержание, т.е. единое и общее в объективных созданиях, осуществляющих красоту и разум, — в чистом искусстве, в научной философии и в правовом государстве» [1. С. 211].

Вполне закономерно, что, ставя высоко греко-римскую культуру, Соловьев не мог отказаться от некоторых заимствований из нее. Потому отчетливо прослеживается влияние платоновских идей в отдельных положениях метафизического учения философа, в поэзии же встречаются переводы из Вергилия, авторские сти-

хотворения-стилизации, написанные гекзаметром, и ряд произведений, в которых используются античные образы богов и героев и мифологические сюжеты, связанные с ними.

К воспеванию яркого, романтизированного образа *Прометей* Соловьев обращался не раз, особенно в ранней лирике, когда в большей степени актуализировались идеи неограниченных возможностей в деле самосовершенствования и преобразования мира.

Согласно мифологии Древней Греции, Прометей — могучий титан, который своевольно «похитил с Олимпа огонь и дал его людям; он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, постройке кораблей, чтению и письму» [2. С. 80], за что был жестоко наказан Зевсом — прикован к горе. Смелость отважного героя и его самоотверженная помощь человечеству привлекали интерес многих художников, начиная с античных времен. Во второй половине XIX в. этот поэтический образ не утратил своей привлекательности. «Жизнь в соответствии с Божественным Глаголом требует от человека непрестанных титанических усилий, поэтому образ нового сильного человека Соловьев, как и поэты, его современники, соотносит с одним из титанов — Прометеем» [3. С. 257].

В ранних стихотворениях Соловьева Прометей становится символическим воплощением носителя Божественного Духовного огня, очищающего душу и преобразующего мир. В «Песне Офитов» (1876) огонь Прометей-бунтаря разрушает «кольца древнего змия» — мировое зло, закабаляющее душу со времен грехопадения людей и их изгнания из Рая — и тем самым открывает путь к свободе от зла и созиданию нового мира Богочеловечества. А потому душа, еще не достигшая в своем развитии должной силы духа и чистоты, т.е. богочеловеческого уровня эволюции, боится опаляющего божественного «огня Прометей», но «вольному сердцу не больно...» [4. С. 22].

Позже в стихотворении «*Ex Oriente Lux*» («Свет с Востока», 1890) поэт-философ осмысляет поступок античного героя как исключительный поворот в метаистории человечества — это своего рода вызов мифологическому (языческому) миропорядку, согласно которому боги никогда не жертвовали собой ради людей. «Небесный дар» Прометей не напрасен, хотя это еще не Огонь Божественного глагола, а только подготовительный этап, промежуточное звено в развитии человечества. Древний мир, принимая и прославляя дар Прометей, почувствовал возможность иного, жертвенного, пути и постепенно готовился к принятию нового откровения:

Чего еще не доставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!.. [4. С. 56—57].

В стихотворении «*Ex Oriente Lux*» описывается постепенный путь подготовки, своего рода просветления древнего мира огнем Прометей для принятия Света с Востока, то есть самого Христа, который дал людям Новый Завет, свое учение, основанное на милосердии, вере и любви. Это учение совершило невозможное —

перевернуло мировой порядок, распространилось по всей земле и даже объединило в себе Восточную и Западную цивилизации:

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С собою Запад примирил [4. С. 57].

В стихотворении «Прометею» (1874) Соловьев избирает диалогическую форму выражения, столь распространенную в античной культуре, и словно обращается к прикованному измученному герою, предлагая ему особый путь избавления от «оков» — обретение духовной свободы через великое чувство всеобъемлющей любви. Эта проповедь любви, христианская по своей сути, становится, согласно пониманию поэта-философа, новым уровнем восприятия реальности, ведь только любовь обладает столь мощным консолидирующим потенциалом, что дает возможность в одно мгновение осознать диалектическое единство добра и зла, спаянность прошлого и настоящего, цельность всего существующего. Любовь, по мнению Соловьева, — это и есть высший синтез, Мировая гармония, восстановление утраченной связи между Богом и человеком. Это осознание дарует душе «блаженство примиренья» со всем миром и с самим Создателем, возвращая некогда утраченное состояние Всеединства в земное бытие, направляя Богочеловеческий процесс. При этом душа как обобщенный образ человечества и вся эмпирическая реальность переживают своего рода апокалипсис — разрушение прежнего несовершенства и переход на новый (богочеловеческий) уровень Бытия с Богом:

Тогда наступит час — последний час творенья...
Твой свет одним лучом
Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном [4. С. 12].

В этом произведении Соловьев не идет вслед за традиционными интерпретациями: для него образ Прометея становится символом человеческой души, которая наказана Богом за дерзновенную попытку стать богоравной, постигая Добро и Зло. Так символическая трактовка мифа о Прометее вновь сближается с библейским сюжетом о грехопадении первых людей и начале человеческой истории. Не случайно муки прикованного к скале Прометея приравниваются к мукам души человеческой, обреченной на Богооставленность, тяжелое существование в земном материальном мире, который описывается через трагические образы-символы «туманного видения», «тяжелого сна», «преград» и «оков». Но, подобно Прометею, после долгих страданий, душа человека, верил поэт, будет освобождена — преображена Божественным огнем, и сможет постичь ранее недоступные высоты.

«В произведении Соловьева “Прометею”, написанному в начальную пору стихотворчества, он далек от традиционного толкования античного героя-богоборца:

у Соловьева герой — выразитель идеала единого Богочеловечества...» [3. С. 257]. И действительно, позже из образа Прометея, героя, обладающего сверхчеловеческими духовными возможностями, благодаря которым он способен воспринимать мир в его всеединстве, выкристаллизуется соловьевское учение о Богочеловечестве. И хотя началом и основой богочеловеческого движения в дальнейшем творчестве философа станет не античный Прометей, а евангельский Христос и его учение, но некоторые идеи будут почти буквально перекликаться со стихотворением «Прометею». «Это тело Христово... мало-помалу растет и развивается, чтобы в конце времен обнять собою все человечество и всю природу в одном едином вселенском богочеловеческом организме...» [1. С. 229], — напишет Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве».

В контексте использования поэтом мифологических образов и мотивов античности весьма интересно стихотворение «Три подвига» (1882), где упоминаются сюжеты, связанные с Пигмалионом и Галатеей, Персеем и Андромедой, Орфеем и Эвридикой. Каждый из эпизодов несет свою смысловую нагрузку, символизируя один из трех подвигов души человеческой, объединенных высоким порывом — их вдохновляет любовь.

Три описываемых подвига составляют единый трехступенчатый путь эволюции не только самой любви мужчины и женщины, но и всего земного мира. На первой ступени восходящего пути Соловьев помещает Пигмалиона, который является символом вдохновенного творца, художника. Силой своего таланта, словно «мощным пламенем», творческий человек способен преобразовать камень, т.е. косную земную материю, достигая уровня богосотворчества — теургии. Соловьев считал, что «человек должен воплотить свои мысли, чувства, весь свой духовный мир и таким путем создать не для себя одного, но для всех мир красоты» [5. С. 380]. А силой любви к своему творению человек может, подобно Богу, «дать жизнь и плоть своей мечте» [4. С. 34]. Однако на этом нельзя останавливаться: сама по себе красота может стать орудием как светлых, так и темных сил, а прекрасное «божественное тело» может быть лишеным внутреннего огня любви:

У заповедного предела
Не мни, что подвиг совершен,
И от божественного тела
Не жди любви, Пигмалион! [4. С. 34].

Только внешней красоты для любви недостаточно, необходима духовно-нравственная победа — низвержение Зла и торжество Добра. Соединение эстетического с морально-этическим началом становится второй ступенью эволюции человеческой души и всего земного мира. Символическим воплощением победителя Зла, сильного мужского начала, рыцаря света, становится древнегреческий герой Персей. У Соловьева он освобождает находящуюся в путах зла светлую Душу Мира, которую символизирует в данном стихотворении возлюбленная героя — прекрасная Андромеда, долгое время мучившаяся в путах мирового зла, ожидая спасения:

Скала над бездною висит,
Зовет в смятенье *Андромеда*

Тебя, Персей, тебя, Алкид!
Крылатый конь к пучине прынул,
И щит зеркальный вознесен,
И опрокинут — в бездну канул
Себя увидевший дракон... [4. С. 34].

Символически описана сцена борьбы Персея со Злом. Мифологический сюжет передан не совсем точно: по древнегреческим легендам, Персей летал не на крылатом коне, а на сандалиях с крыльями, полученных в подарок от нимф; при помощи зеркального щита Персей победил горгону Медузу, а при спасении Андромеды убил мечом некое морское «чудовище, подобное исполинской рыбе» [6. С. 98], которое в античных мифах не именуется драконом. Такое отклонение от изначального сюжета говорит об авторском переосмыслении роли используемых деталей при создании своего рода собственного мифа, за образами-символами которого скрываются совсем иные идеи. Победенный дракон отсылает скорее к христианской символике зла (достаточно вспомнить сюжет о Георгии Победоносце, низвергнувшем огнедышащего дракона в бездны ада, или апокалиптические видения Иоанна Богослова). Важен и способ борьбы со злом, который описывает поэт: по сути, дракон убивает сам себя, увидев свое отражение в зеркальном щите, и этот удивительный образ имплицитно воплощает важную религиозно-философскую идею: зло самоуничтожимо. Нужно только найти особую духовную силу, своеобразный «зеркальный щит», отражающий атаку зла, обращая темную силу против нее же самой. И этот щит — любовь.

И вот видимое зло у Соловьева побеждено — в земном мире торжествуют Красота и Добро, но жизнь все равно уязвима, ибо в ней продолжает царить «незримый враг», который в любой момент может обратить в ничто любые земные достижения, и враг этот — смерть и ее неизменные спутники — болезнь и страдание:

Но незримый враг восстанет,
В рог победный не зови —
Скоро, скоро тризной станет
Праздник счастья и любви... [4. С. 34].

Для зашифрованного изображения метафизической борьбы человечества со смертью Соловьев привлекает известный мифологический сюжет об Орфее и Эвридике. В прекрасном и одновременно трагическом сюжете многие художники стремились опозитизировать, прежде всего, мотив магического воздействия искусства. Но у Соловьева данный миф приобретает иную интерпретацию. На первый план поэт выдвигает возможность светлой трансформации и преодоления самого непреложного закона земного существования — смерти:

Но воспрянь! Душой недужной
Не склоняйся пред судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой! [4. С. 35].

В такой схватке бессильны обычные человеческие средства — щит и меч, в борьбу вступает духовная сила, символически воплощенная у поэта во «всепобедной песни», которая может сотрясти и разрушить сам Аид:

Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает [4. С. 35].

В интерпретации Соловьевым сюжета об Орфее и Эвридике угадывается еще один скрытый символический план. Орфей, подобно Христу, спускается в темный мир ада и освобождает Эвридику — возлюбленную человеческую Душу от власти смерти, открывая двери в Вечность. Потому и нет в стихотворении трагического продолжения этого мифа, ведь свершилось главное с точки зрения поэта-мистика действие — одержана богочеловеческая победа над смертью, достигнута важнейшая цель в процессе преобразования земного бытия. Те же мысли находим и в письмах Соловьева: «Смысл человечества есть бессмертный, т.е. Христос. Как животный мир тяготеет к разуму, так человечество тяготеет к бессмертию. Если борьба с хаосом и смертью есть сущность мирового процесса причем светлая, духовная сторона хоть медленно и постепенно, но все-таки одолевает, то воскресение, т.е. действительная и окончательная победа живого существа над смертью, есть необходимый момент этого процесса, который в принципе этим и оканчивается...» [7. С. 98].

Онтологической проблеме победы жизни над смертью посвящено и стихотворение «Друг мой! прежде, как и ныне...» (1887), центральным образом которого является Адонис — греческий бог «финикийско-сирийского происхождения с ярко выраженными растительными функциями, связанными с периодическим умиранием и возрождением природы» [6. С. 23]. Имя Адониса в переводе с финикийского означает «адон», «господь», «владыка» и этимологически близко связано с одним из обозначений Бога в иудаизме — Адонай («Господь мой»). Используя прием маски, Соловьев под именем античного персонажа, способного оживать после смерти, но существующего лишь в мифологическом сознании, подразумевает иного Бога — Христа, который, согласно новозаветным событиям, будучи умершим, «восстал из гроба» наяву:

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адониса отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адонис вставал из гроба,
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба [4. С. 53].

Культ Адониса в Древнем мире включал особые мистерии: «Согласно Лукиану в Библие было святилище Афродиты, где происходили оргии в честь Адониса,

причем первый день был посвящен плачу, а второй — радости по воскресшему Адонису» [6. С. 23]. Но в стихотворении Соловьева за описанием обряда оплакивания умершего бога угадываются явные библейские аллюзии: пустынная местность, погребение Мессии, скорбь жен-мироносиц, точно так же, как под «восстанием из гроба» подразумевается чудо воскресения Христа, в сокровенный смысл которого свято верил сам поэт-философ: «Я лично, с тех пор как признаю, что история мира и человечества имеет смысл, не имею ни малейшего сомнения, в воскресении Христа, и все возражения против этой истины своею слабостью только подтверждают мою веру» [7. С. 99].

Повторением строки «Друг мой! прежде, как и ныне...» Соловьев подчеркивает, что великое событие воскресения имеет отношение к каждому человеку, независимо от того, каким временным промежутком он отделен от прошедшего, ведь метафизическая история имеет особые координаты Вечности. Потому воспроизведение и переживание одних и тех же событий на протяжении тысячелетий (в богослужебной практике: «и ныне и присно и во веки веков») не обедняет их, но раскрывает глубинную сущность: «Это цикличное повторение служит бесспорным знаком того, что главное в истории Христа — не событие, случившееся около двух тысячелетий назад, а нечто извечное, пребывающее во всех временах и вне всяких времен» [8. С. 8].

Особой красотой и мистической силой наполнен образ античной богини Афродиты в стихотворении Соловьева «Das Ewig-Weibliche» («Вечная женственность», 1898). В древнегреческой мифологии, являясь воплощением неземной красоты, «Афродита обладала космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви» [6. С. 74]. Эта любовь в обыденном сознании нередко могла носить ярко выраженный чувственный, стихийный характер, но некоторые философы, абстрагируясь от обыденных представлений, порой приписывали любви и роли самой богини возвышенный вселенский смысл. Так, Платон в «Пире» противопоставляет Афродиту Пандемос («простонародную») и Афродиту Уранию («небесную»).

Хорошо изучив тексты древнегреческого философа, Соловьев заимствует и развивает идею двойственности образа богини. В его стихотворении «Das Ewig-Weibliche» («Вечная женственность») Афродита мирская, символизирующая земную красоту и человеческую любовь, была создана для победы над дьявольскими силами, но сама стала их орудием, впусив в себя грех — темные инстинкты, страсть, смерть:

...Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли [4. С. 160].

Второй этап борьбы со злом, согласно метафизической концепции Соловьева, только начинает свершаться: миру будет открыта иная, нетленная красота Новой

Богини, которая принесет с собой преобразование земной реальности и которую уже не сумеют покорить никакие темные проявления хаоса:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
<...>
Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней... [4. С. 60].

Античное мифологизированное знание о мирской и небесной Афродите перекликается с софиологией Соловьева, в основе которой лежит гностическая легенда об отпадении Софии-эон от Абсолюта. Согласно древнему учению, София (Душа Мира), обладая личностным началом и свободной волей, нарушила систему всеединства в материальной реальности, ей доверенной, попала в плен хаоса и на протяжении тысячелетий мировой метаистории медленно освобождается от пут мирового зла и самостоятельно возвращается к Божественному Логосу. В стихотворении приход новой Богини символически обозначает просветление Души Мира, великое космическое действие, ведущее к всеобщему преобразению действительности, что предвидел поэт-мистик в своих духовных откровениях. Свидетельства об этом метафизическом событии, считал Соловьев, зашифрованы в различных религиозных учениях, в том числе и в тексте самой Библии: «Семя жены сотрет главу змия» [4. С. 157]. Или: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд» (Откр., 12, 1).

Обращаясь к античным образам и сюжетам, Соловьев христианизует их, вкладывает в используемый материал новое религиозно-мистическое содержание и тем самым вписывает его в сложную философско-поэтическую картину мира. Осмысление Соловьевым отдельных античных сюжетов и образов-символов в свете евангельской традиции реализует его стремление к примирению Востока и Запада и к синтезу двух культур — греко-римской и христианской — как важного этапа восстановления Всеединства (в одной из сфер жизни) и продолжения Богочеловеческого процесса эволюции мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве / Ред., вступ. статья и комментарии С.П. Заикина. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 37—240.
- [2] *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. — Симферополь: Реноме, 1998.
- [3] *Щенникова Л.П.* Русская поэзия 1880—1890-х гг. как культурно-исторический феномен. — Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002.
- [4] *Соловьев В.С.* Стихотворения и переводы // В.С. Соловьев. Избранное. — СПб.: ТОО «Диамант», 1998. — С. 9—341.
- [5] *Радлов Э.Л.* Характер творчества и поэзии Вл. Соловьева // Э.Л. Радлов. Книга о Вл. Соловьеве / Сост. Б.В. Аверина [и др.]. — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 365—392.
- [6] *Мифологический словарь* / Под ред. Е.М. Мелетинского. — М.: Сов. энцикл., 1991.

- [7] *Соловьев В.С.* Письмо Л. Толстому о воскресении Христа // *Путь*. — 1926. — № 5. — С. 97—99.
[7] *Solov'ev V.S.* Pis'mo L. Tolstomu o voskresenii Khrista // *Put'*. — 1926. — N 5. — S. 97—99.
[8] *Уотс Алан.* Миф и ритуал в христианстве. — М.: София, 2003.

REFERENCES

- [1] *Solov'ev V.S.* Chteniya o Bogochelovechestve // *Solov'ev V.S.* Chteniya o Bogochelovechestve / Red., vstup. stat'ya i kommentarii S.P. Zaikina. — SPb.: Azbuka, 2000. — S. 37—240.
[2] *Kun N.A.* Legendy i mify Drevney Gretsii. — Simferopol': Renome, 1998.
[3] *Sh'ennikova L.P.* Russkaya poeziya 1880—1890-x gd. kak kul'turno-istoricheskii fenomen. — Ekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta, 2002.
[4] *Solov'ev V.S.* Stokhotvoreniya i perevody // *Solov'ev V.S.* Izbrannoye. — SPb.: TOO "Diamant", 1998. — S. 9—341.
[5] *Radlov E.L.* Kharakter tvorchestva i poezii Vl. Solov'eva // E.L. Radlov. Kniga o Vl. Solov'eva / Sost. B.V. Averina [I dr.]. — M.: Sov. pisatel', 1991. — S. 365—392
[6] *Mifologicheskii slovar'* / Pod red. E.M. Meletinskogo. — M.: Sov. entsikl., 1991.
[8] *Uots Alan.* Mif i ritual v khristianstve. — M.: Sofiya, 2003.

THE CULTURAL SYNTHESIS IN V.S. SOLOVYOV'S POETRY

L.L. Avdeichic

Belarusian state university

Kalvarijskaja str., 9, Minsk, Republic of Belarus, 220004

The article discusses the specifics of poetic realization of one of the main concepts of V. Solovyov's creativity Unity, manifested at the level of cultural synthesis of the two antagonistic systems — the pagan (Greco-Roman) mythology and Christian doctrine. The analysis of poems, which used images of Prometheus, Pygmalion and Galatea, Perseus and Andromeda, Orpheus and Eurydice, Adonis, Aphrodite, shows how the famous ancient stories in Solovyov's poetry reinterpreted, symbolized and Christianized.

Key words: cultural synthesis, poetic symbol, Sophiology, ancient mythology, Christian doctrine.